

- [Шолохов Михаил](#)

◦

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Шолохов Михаил

Двухмужня

Михаил Шолохов

Двухмужня

На бугре, за реденьким частоколом телеграфных столбов щетинистыми хребтинами сутулятся леса: Качаловские, Атаманские, Рогожинские. Одна суходолая отножина, заросшая мохнатым терном, упирается в поселок Качаловку, а низкорослые домишкы поселка подползают чуть не вплотную к постройкам качаловского коллектива.

Ноги раскорячив и угнувшись слегка вперед, возле сурчиной горы стоит Арсений Клюквин, председатель качаловского коллектива. Ветер полощет неподпоясанную рубаху на нем и бисерный пот гонит со лба к переносью. Рядом дед Артем из-под шершавой ладони смотрит, как за пахучими буграми сурчиных нор трактор черноземную целину кромсаet глянцевитыми ломтями. С утра вымахал четыре десятины. Нынче первая проба. От радости у Арсения в горле смолистая сушь; проводил до конца загона взглядом горбатую спину трактора, от жары бурые губы облизывая, сказал:

- Во, дед Артем, машина!..

А дед, кряхтя и стоная, по лохматой борозде заспотыкался, на ходу в коричневый узловатый кулак зажал ком жирной земли, растер на ладони и, обернувшись к Арсению, шапочонку кинул на землю, пережеванную лемехами, выкрикнул плачущим голосом:

- Обидно мне до крови! Пятьдесят годов я на быка, а бык на меня работал... День пашешь, ночь - кормишь его, сну не видишь... Опять же в зиму худобу годуешь... А теперь как мне возможно это переносить?

Указал дед кнутовищем на трактор, рукой махнул горько и, нахлобучив шапку, пошел, не оглядываясь.

Ушло за курган на ночь солнце. Сумерки весенние торопливо закутали степь. Слез с трактора машинист, рукавом размазал по щекам белесую пыль.

- Ужинать пора. Иди домой, Арсений Андреевич. Теперь бабы коров подоили, парного молока принесешь.

По низкорослой поросли озимей идет к жилью Арсений. Из балки на пригорок стал подниматься - услышал скрип арбы, бабий слезливый голос:

- Цоб, проклятые! И что я с вами буду делать, с нечистыми?.. Що-об!..

Сбочь дороги на суглинке, взмокшем от вечерней росы, быки, запряженные в арбу, стоят. Пар над потными бычачьими спинами. Бабенка вокруг попрыгивает, кнутом беспомощно машет.

Поравнялся Арсений.

- Здорово живешь, молодка.

- Слава богу, Арсений Андреевич.

Жаркой радостью хлестнуло Арсения, колени дрогнули.

- Никак, это ты, Анна?

- Я и есть. Замучилась вот с быками, никак не везут... Чистое горе...

- Откель едешь?

- С мельницы. Нагрузили рожь, быки не стронут с места.

Плевое дело Арсению поддевку с плеч смахнуть, на руки бабе кинул, смеется:

- Подсоблю выехать, магарыч будет? - норовит в глаза заглянуть.

Баба в сторону их отводит, платок надвигает.

- Помоги, за-ради бога!.. Сочтемся...

Двадцать седьмой год Арсению, и силенка имеется. Шесть мешков вынес на пригород.

Потный спустился в балку. Присел на арбу, переводя дух.

- Ну как, про мужа не слыхать?

- Какие из-за моря, от Врангеля, вериудись казаки, гутарили, что помер в Туретчине.

- Как же жить думаешь?

- А все так же... Ну, надо ехать, и так припозднилась. Спасибо за помочь, Арсений Андреевич!

- Из спасиба шубы не выкроишь...

Улыбка примерзла на губах у Арсения; минуту молчал, потом, перегнувшись, левой рукой крепко захватил голову в белом платке, прижался губами к губам, дрогнувшим и прохладным, но щеку до стыда, до боли ожгла рука в колючих мозолях, вырвалась Анна, оправляя скособочившийся платок, захлебнулась плачущим визгом:

- Стыда на тебя нету, паскудник!

- Ну, чего орешь-то? - спросил Арсений, понижая голос.

- Того, что мужняя я! Зазорно! Другую сышти на это!..

Дернула Анна быков за нальгач, крикнула от дороги - а в голосе слезы:

- Все вы, кобели, одним и дышите!.. Да ну, цоб же, проклятые!..

* * *

Сады обневестилие, зацвели цветом молочно-розовым, пьяным В пруду качаловском, в куге прошлогодней, возле коряг, ржавых и скользких, ночами хмельными - лягушачьи хороводы, гусиный шепот любовный да туман от воды... И дни погожие, и радость солнечная у Арсения, председателя качаловского коллектива, оттого, что земля не зэхолостеет попусту (трактор есть), - а вот ущемила сердце одна сухота, и житья нету... На трети сутки встал раньше кочетов Арсений, вышел к ветряку на прогон и сел возле скрипучего причала. Пусть назавтра судачат бабы, пусть ребята из коллектива будут подмигивать на него ехидно и смеяться за глаза и в глаза, - лишь бы увидать ее, лишь бы сказать про то, что с тех пор, как осенью, во время молотьбы, вместе с нею на скирду вилами бугрили чернобылый ячмень, и работа, и свет белый не милы ему...

Издалека заприметил белую косынку.

- Здравствуй, Анна Сергеевна!

- Здравствуйте, Арсений Андреевич.

- Сказать тебе хочу словцов несколько.

Отвернувшись, завеску сердито скомкалa.

- Хучь бы людей-то посовестился!.. Каки-таки разговоры на прогоне?.. Перед бабами страмотно!..

- Дай сказать-то!

- Некогда: корова в кукурузу зайдет!

- Погоди!.. Просить буду, как смеркнется, приди к ольхам, дело есть...

Голову в плечи вобрала, пошла, не оглядываясь.

...Возле ольх, неотрывно обнявшихся, буйная ежевика кусты треножит, возле ольх по ночам перепелиные точки, и туман по траве кудреватые стежки вывязывает. Ждал Арсений до темноты, и когда с горы зашуршала глина, осыпаясь под чьими-то воровскими шагами, почувствовал, как холдеют пальцы и липкой испариной мокнет лоб.

- Обидел я тебя тогда? Брось, не серчай, Анна!

- Привыкла к этому без мужа-то...

- Ну, а теперь дело хочу сказать... Живешь ты вдовой, свекору не нужна... Может, замуж за меня пойдешь? Жалеть буду... Ну, вот, чудная, чего же ты хнычешь? Беда с вами, бабами! Ежели всчет мужа сумлеваешься, на случай, коли придет, приневоливать не стану... К нему уйдешь, коли захочешь...

Села рядом на влажную, облитую росою землю. Сидела, низко опустив голову. Засохшим стеблем бурьяна чертила на земле невидимые узоры.

Обнял Арсений ее несмело, боялся, что вырвется, крикнет, обзовет обидным словом, как тогда, в поле; но когда заглянул в глаза - увидел под черной тенью платка следы непросохших слез и улыбку.

- Эх, Анна, плюнь на все!.. Пойдем распишемся и в коллектив к нам работенку ломать!.. До коих пор будешь горе-то мыкать?

* * *

Засуха. По левадам, кукушек вспугивая, косы перезванивают. Не косят траву добрые люди - под корень грызут. За Авдюшкиным логом коллективский трактор две косилки тягает. Пыльно. Горячо. Валы сена степь исконопатили. Солнце в обед - вилы бросил Арсений, вытряхнул из рубахи колкую пыль, к стану пошел умыться, навстречу - жена Аннушка. За версту угадал ее по походке быстрой, враскачу. Несет харчи косарям. Подошла. Румянец на щеках, на целованных солнцем.

- Уморилась, Нюра?.. До жилья ведь верст тринадцать.

- Нет, не дюже. Если б не жара, легко можно б идти.

Сидели под копной рядом, руку гладил Арсений зачерствевшей от вил рукою, бодрил улыбкой глаз.

А вечером встретила его у крыльца, за перила цепко держалась, словно боялась упасть. С трудом выдавпла из побелевших губ:

- Арсюша!.. Муж... Александр письмо из Туретчины прислал... Домой обещает приехать...

Кому счастье, а кому и счастьице...

У качаловцев хлебец начисто погорел, по полю, коричневому от загара, колос от колоса - не сдыхать девичьего голоса, да и то не колос, а так, сухобыл один, коренастый и порожний, пустотой звенит под ветром. А у коллектива в клину промеж Качаловского леса и Атаманского, вдоль шляха, там, где до осени ветер измывался над сосновой дощечкой с надписью: "Показательная обработка", пшеница-кубанка вымахала рослой лошадюке по пузо. Кому какая линия выйдет... Качаловский богатей Ящуров (имеет двенадцать пар быков, лошадей косяк, паровую молотилку и цепкие мышастые глазки) попервоначалу, с весны, когда дождь спустился на качаловские поля, а коллективский хлеб самую малость крылом зацепил,- говорил с ухмылочкой, покусывая кончик житнистой бороды ядреным желтым зубом:

- Бог, он ить правду видит... Какие в послушании к нему пребывают и чтут веру Христову - тем и дождичек, так-то-с!.. А вот коллективских коммунистов умыло!.. Больно прыткие!.. Без бога, сказано, не до порога!..

И прочее разное говорил, а проезжая шляхом повыше Качаловских лесов, приостанавливал своего гладкого пятнистого мерина и, указывая кнутом на дощечку, плясавшую на столбе под ветром, смеялся, ощеряя желтые кабаны клыки, и животом тряс:

- Пока-за-а-тель-ная!.. Вот оно осенью покажет!..

Трактор ломил пахоту в колено, качаловцы ковыряли кое-как, по-дедовски. У качаловцев с десятины по восьми мер наскребли, коллективны по сорок сеяли. Смеялись качаловцы, зависть скрывая:

- Сиротское, мол, не пропадает...

А только вышло так, что в сентябре, в праздник, пришли качаловцы с хуторского схода к

двору коллективскуому. Погомонили возле амбаров, распухших от хлеба, трактор долго щупали глазами и пальцами заскорузлыми, кряхтели, и уже перед уходом дед Артем - мужик из заправских хозяев - отвел Арсения в сторону и, втыкая в ухо ему прокуренную бороду, забурчал:

- Просьбицу имеем к вам, Арсений Андреевич. Сделай божеску милость, примай нас гуртом в свой киликтив! Двадцать семей нас, которы беднеющи...

Поклонился старикам Арсений обрадованно.

- Добро пожаловать!..

Работы по горло в коллективе. Засушливый год. Недостача хлеба в окружных хуторах и станицах. По шляху мимо Качаловки толпами проходят нищие. Заворачивают и в Качаловку. У расписных ставней скривят тягучие слабые голоса:

- Христа ради...

Распахнется обсиженное мухами окошко, глянет на выжженную солнцем улицу бородатая голова, буркнет:

- Идите добром, прохожие люди, а то собаками потравлю! Вон - киликтив, у них и спрашивайте!.. Они власть эту постановили, они вас и кормить должны!

Каждый день тянутся одиночками и толпами к смолистым обструганным воротам коллектива.

Арсений, осунувшийся и загорелый, отчаянно машет руками:

- Куда я вас дену? Везде полно! Ведь не прокоримся мы с вами!

Но коллективскуые бабы на Арсения гудят потревоженным пчелиным роем, и обычно кончается тем, что Арсений и мужики, отмахиваясь руками, уходят ш гумно к молотилке, а бабы ведут гостей в длинный амбар, устроенный под жилье, и до вечера из окон просторной кухни рвется во двор грохот чугунов и звон посуды.

Иногда на гумно, запыхавшись, прибегает кладовщик, дед Артем, хрипит, сокрушенno отплевываясь:

- Сладу с бабами нету!.. Сыщи ты, Арсений, на них какую-нибудь управу. Навели кучу старцев и ключи от кладовой у меня отняли!.. Обед стряпают, а пшена нагребли на восемь рылов больше!..

- Ляд с ними, дедушка! - улыбается Арсений.

Число коллективцев увеличилось вдвое. Прибавилось и число детей. Часть рабочих кончала обмолот, пахала под пары, другая часть строила школу.

С утра до темной ночи муравейником кишел коллективский двор.

В сарае пыхтела машина. Электрический фонарь пил на выметенный двор желтые волны света, и кособокий месяц, повиснувший над Качаловкой, бледнел от электричества; он казался теперь зеленоватым, маленьkim и ненужным.

Анна вторую неделю работала в очереди на скотном дворе. Вместе с шестью другими бабами выдаивала коров, отбивала телят и шла спать. Сон приходил вэ скоро,- ворочалась, прислушивалась к ровному дыханию Арсения, думала о прошлом и о своей теперешней жизни в коллективе.

С утра небо затянулось густой пеленой сизых туч. Погромыхивал гром. В леваде галдели грачи, шумела вербы; около дома в палисаднике дурманно пахло цветом собачьей бесилы, никла к земле остролистная крапива. За крышей сарая по небу ящерицей скользнула молния, бахахнул гром, дождь дробно затопотал по крыше, ветром скрутило во дворе бурый столбиице пыли, хлопнула оторванная вихрем ставня, и по лужам, выбивая пенистые пузыри, заплясал буйный июльский ливень.

Анна, накинув платок, выбежала во двор снять су-шившееся белье. Мокрый ветер метался по двору, хлестал в лицо. Добежала Анна до амбара, и вдруг над самой головой гулко треснул

гром, дробным грохотом рассыпался где-то за Качаловкой. Анна испуганно присела, по привычке перекрестилась и зашептала слова молитвы, а когда привстала и обернулась назад,- то увидала возле раскрытых ворот подводу и человека в дождевом плаще. Человек смеялся, перегибаясь назад и ощеряя белые зубы. Сквозь ветер крикнул Анне:

- Ты что же, молодка, пророка Ильи испугалась?

Анна подобрала юбку; снимая белье, крикнула сердито:

- Зубы-то нечего на продажу выставлять! Никто не купит!

Человек в дождевом плаще, оскользаясь, подошел к Анне, сказал с усмешкой:

- Ты, видно, сердитая, а серчаешь без толку!.. Разве от молнии крестом спасаются? Эх ты, а еще в коллективе живешь!.. - сказал и снова съежил губы в усмешку.

И вот этой обидной усмешкой словно обжег Анну. Стыдно ей стало чего-то. Ответила, будто оправдываясь:

- Я тут недавно живу...

- Коли недавно, это еще ничего! - И пошел на крыльце, помахивая снятым с головы картузом.

Анна наспех поснимала белье. Рысью в дом. Вошла в комнату. Арсений, сидевший рядом с человеком в плаще, сказал:

- Вот приехал к нам учитель из города. Будет учить всех, какие неграмотные.

Учитель глянул светлыми улыбчивыми глазами, Анна вновь почувствовала стыдливую неловкость и, положив белье, вышла.

Вечером, перед ужином, Арсений сказал:

- Завтра, после обеда, иди грамоте учись. Я и тебя записал. Всего у нас неграмотных - двадцать душ. Заниматься будете в клубе.

- Мне совестно, Арсюша... В годах ведь я.

- Неграмотной-то совестнее быть!..

На другой день пошла Анна в клуб. За длинным столом сидят плотно. Дед Артем рот раззявил, а на лбу - пот. Тетка Дарья отложила вязанье, тоже слушает.

Учитель говорит что-то и мелом рисует на школьной доске здоровенную букву.

Все покосились на скрип двери и опять слегли над столом. Тихонько прошла Анна к окну и села на край скамьи. Сначала было чудно, хоронила от других улыбку; на другой день слушала внимательней и уже упрямо выводила на листе бумаги кособокую и сутулую букву "В".

После - тянуло в клуб; спешила поскорее побывать и чуть не рысью по коридору - с букварем под мышкой. За столом теснее стало сидеть прибавилось учеников. Дед Артем вполголоса ругается и, расставив локти, спихивает тетку Дарью на самый край. С обеда до сумерек в клубе - шепот и сдавленное гудение голосов.

Под клуб заняли просторную, в шесть окон комнату. У стены стоит стол, обитый красным ситцем, в углу портреты и знамена.

Дед Артем все-таки выжал со скамьи тетку Дарью. Перешла она от стола на подоконник. В комнате жарко, в окна засматривает любопытное солнце. На стекле бьется и жужжит цветастая муха. Тишина. Дед Артем мусолит огрызок карандаша, пишет, криво раззявив рот. Стиснули Анну, толкают в бок. Рядом с Анной - Марфа, у нее четверо детишек. Знает она, что в детских яслях настоящий за ними догляд, а поэтому спокойно ползает глазами по букварю, пот ядренными горошинами капает у нее с носа на верхнюю губу; рукавом смахнет, иногда и языком слизнет и снова шевелит губами, отмахиваясь от въедливых мух.

Чаще постукивает сердце у Анны. Нынче первый раз читает она по целому слову. Сложит одну букву, другую, третью, и из непонятных прежде загогулин образуется слово. Толкнула в бок соседку:

- Гляди, получается "хле-бо-роб".

Учитель стукнул по доске мелом.

- Тише! Про себя читайте! А-ну, дедушка-Артем, прочитай нам сегодняшний урок!

Дед ладонями крепко прижал в столу букварь, откашлялся.

- На-ша... ка-ша...

Марфа не утерпела, фыркнула в кулак.

Дед злобно покосился на нее.

- На-ша... ка-ша... хо-ро-ша... - начал снова. Прочитал и руками развел.- Скажи на милость, как оно выходит!

Переворачивая страницу, шепнул Марфе:

- Нет, бабонька, стар я становлюсь!.. Молодым был, бывало, три посада цепом обмолочу и в ус не дую, а теперь, видишь, прочел и уморился. Одышка душит, будто воз на гору вывез!

* * *

Втянулась Анна в работу. Понедельно работала то на кухне, то около скотины. На гумне постукивала молотилка, суетились рабочие. Арсений, присыпанный хлебными остьями и пылью, клал скирд; в полдень прибежал на кухню, крикнул Анне:

- Ты поздоровше, Анна, иди подсоби на гумне, а тебя пущай заменит Марфа Игнатовна.

Помогая Анне влезть на скирд, шлепнул ее по спине, засмеялся:

- Ну, толстуха, успевай принимать!..- и сажал на вилы вороха обмолоченной духовитой соломы, напруживаясь, поднимал вверх, Анна принимала. Сначала по колена, потом по пояс засыпал ее Арсений соломой; глянул, смеясь, снизу вверх, крикнул:

- Даешь работу! Эй ты, там, на скирду!.. раззыву ловишь?..

* * *

В постоянной работе глухла, давностью затягивалась боль у Анны. Перестала думать о том, как вернется первый муж и что будет дальше... Короткой зарницей мелькнуло лето... Осень сгустилась возле коллективских ворот. Утрами, словно выпущенный табун жеребят, взбрыкивая, бежали детишки в школу.

И вот днем осенним, морозным и паутинистым, спозаранку как-то, взошел Александр - муж Анны - на крыльце, от собак отмахиваясь веткой орешника. Жестко постукивая каблуками, прошел по крыльцу, дверь отворил и стал у притолоки, не здороваясь, высокий, черный, в шинели приношенной. Сказал просто и коротко:

- Я пришел за тобой, Анна. Собирайся!

Анна забегала от сундука к кровати, негнувшимися пальцами хватала то одно, то другое; сдернула с вешалки платок зимний, тяжело присела, переводя взгляд с Арсения на мужа, потом, с трудом ворочая губами, сказала:

- Не пойду!

- Не пойдешь?.. Посмотрим!..- Улыбнулся Александр криво, пожал плечами и вышел. Осторожно и плотно притворил за собою дверь.

За осень, долгую и сумную, чаще хворала Анна, желтизной блекла, то ли от хворости, то ли от думок. В субботу вечером подоила Анна с бабами коров, телят загнала в закут, недосчиталась одного и пошла искать, через леваду в степь, мимо ветряка, задремавшего в тумане. На старом, кинутом кладбище, промеж крестов, обросших мхом, и затхлых, осевших могил, пасся рябенький коллективский телок. Приглядываясь в густеющей темноте, погнала домой. До канавы дошла и села, руки к груди прижимая. Услыхала рядом с вызванивающим сердцем стук и возню... Тяжело поднялась и пошла, улыбаясь краешками губ устало и выжидательно.

Оголился сад, под макушками тополей мечется ветер, скучо стелет под ноги кумачовые листья. Дошла до беседки, увидала, как из тернов вышел кто-то и стал, перегородив дорогу.

- Анна, ты?

По голосу узнала Александра. Подошел, горбаясь, руки растопыривая.

- Значит, забыла про то, как шесть лет вместе жили?.. Совесть-то всю в солдатках порастрепала? Эх ты, хлюстанка!

Думала Анна, что вот сейчас повалит наземь, будет бить коваными солдатскими ботинками, как в то время, когда жили вместе, но Александр неожиданно стал на колени, в сырую пахучую грязь, глухо сказал, протягивая вперед руки:

- Аннушка, пожалей!.. Я ли тебя не кохал? Я ли с тобой не нянчился, будто с малым дитем?.. Помнишь, бывало, мать родную словом черным обижал, когда засыпала она тебя ругать. Аль забыта наша любовь? А я шел из-за границей, одну думку имел: тебя увидать... А ты... Эх!..

Тяжело привстал, выпрямился и пошел по тернам, не оглядываясь. На повороте обернулся назад, крикнул хрипло:

- Н-но попомни мое слово!.. Не вернешься ко мне, не бросишь свою хахаля - худого наделаю я!..

Постояла Анна. В сердке змеей жалость греется к нему, вот к этому, с каким шесть лет жила под одной крышей... С той поры и пошло. Чаще задумывалась Анна, вспоминая прошлое, не хотела ворошить в памяти дни разладов, когда был ее муж смертным боем, а вспоминала только светлое, радостью окропленное, и от этого сердце набухало теплотой к прошлому и к Александру, а образ Арсения меркнул туманом, уходил куда-то назад...

Не узнавал Арсений в ней прежнюю Анну, нелюдимой с ним стала, назад перегнувшись и выпятив живот, молчком ходила по комнатам, баб сторонилась, и все чаще ловил на себе Арсений взгляд ее, ненавидящий и горький.

* * *

В полночь на степном гумне близ Авдюшкина лога сгорели три приклада коллективного сена. После первых кочетов к Арсению в одних исподниках прибежал из флигеля чеботарь Митроха, загремел в измалеванное морозом окно:

- Подымайся!.. Сено горит... Поджог!

Не одеваясь, выскочил Арсений на крыльце, глянул через чубатые вишняки в степь и, зубов не разжимая, крепко выругался. За бугром, над полотнищем голубого снега, сгибаясь под ветром, до самого месяца вскидывался багровый столб. Дед Артем вывел из конюшни кобыленку, обратил ее, животом навалился на острую хребтину, кряхтя перекинул ноги и охлюпкой поскакал к пожару. Проезжая мимо крыльца, крикнул Арсению:

- По злобе это!.. Чалушка моя, скотинка... С голоду она теперь погибнет!.. Завязывай хвосты кругом и выгоняй с базу!..

* * *

Зарею пошел Арсений на пожарище. Вокруг вороха дымной золы курилась раздетая земля, доверчиво высматривали зеленые былки.

Присел Арсений на корточки, взгляделся: на запотевшей земле, на талом снегу вылегли следы кованых английских ботинок, черными рябинами чернели ямки, вдавленные шляпками гвоздей. Закурил Арсений, взглядываясь в стежку, завязанную по степи путанными узлами, зашагал к Качаловке. Следы завивались петлями, пропадали; оскальзаясь, скребли ледок над буераком, и по людскому следу, как по звериному, уверенно, молча, шел Арсений. У крайнего гумна, у плетня Александрова, пропали следы... Крякнул Арсений, перекинул отцовскую централку с плеча на плечо, направился по дороге к коллективу.

* * *

Бабка-повитуха шлепнула рукой по скользкому тельцу, обмывая в цибарке руки, крикнула

за перегородку:

- Слыши, Арсений, коммуненка баба родила!.. Поди крестить не будешь?..

Молча раздвинул Арсений ситцевый полог, из-под закровяненного одеяла глянула посинелая Анна на него ненавидящими глазами, зашипела, глотая слезы:

- Уйди, нелюбый!.. Глазыньки мои на тебя не глядели бы!..

Отвернулась к стене и заплакала.

Лежала жизнь ровная, как набитый землею шлях, а теперь стынет в горле соленый ком в горе сердце Арсения берет волчей хваткой.

Дня через два в клуню пошел Арсений, домолачивать остатки проса. Провозились с двигателем до темного, пока пустили-смерклись, за темным ворохом тополей прижухла ночь.

- Арсений Андреевич, выдь на час!..

Вышел. Возле дощатой стены увидел Анну, закутанную в шаль.

- Ты чего, Нюра?

В голосе, чужом и хриплом, не узнал голоса жены:

- Христом-богом прошу... Пусти меня к мужу!.. Кличет меня... Говорит, возьму с дитем... А ты, Арсений Андреевич, лихом не помни и не держи меня!.. Все одно - уйду, не люб ты мне больше!

- Допрежь выкорми дитя, посля иди, неволить не стану... А сына тебе не отдам! Я за Советскую власть четыре года сражался, израненный весь, а муж твой - кадет... от Врангеля пришел... Вырастет мой парнишка, батрачить на него будет... Не хочу!..

Подошла Анна вплотную, жарко дохнула в лицо Арсению:

- Не дашь дитя?..

- Нет!..

- Не дашь?!

Злобою вспухло у Арсения сердце, в первый раз за все время житья с Анной сжал кулак, ударить хотел промеж глаз, горевших ненавистью к нему, но сдержался, сказал глухо:

- Гляди, Анна!..

* * *

С вечеру, после ужина, покормила Анна ребенка грудью и, накинув платок, вышла во двор. Долго не возвращалась. Арсений, угнувшись над лавкой, чинил хомут. Услышал, как скрипнула дверь. Не поворачивая головы, по шагам узнал Анну. Прошла к люльке, переменила пеленки и молча легла спать. Лег и Арсений. Не спал, ворочался, слышал отрывистое дыхание жены и неровные удары сердца. В полночь уснул. Удушьем навалился сон... Не слыхал, как после первых кочетов кошкою слезла с кровати Анна, не зажигая огня, оделась, закутала в платок дитя и вышла, не скрипнув дверью.

* * *

Второй месяц живет Анна у Александра. Попервам - пугливая радость, иногда лишь потаенными слезами просачивалась жалость по привольному житью в коллективе. Потом злобное ворчание свекра:

- Потаскуху привел... Не воняло в нашей хате коммунячым духом... Дармоедку с нахаленком принял!.. Гнал бы по шеям!..

Александр был ласковым только в первые дни, а за днями, скрашенными лаской, черной чередой пошли дни непосильной работы. Запряг Анну муж в хозяйство, сам все чаще уходил на край поселка, к Лушке-самогонщице, приходил оттуда пьяный, блевотиной расписывал стены и пол. До рассвета просиживал, развались на лавке, со сдвинутой на затылок папахой, гундосил, отрыгивая самогоном и самодовольно покручивая усы:

- Ты что собою представляешь, Анна? Одну необразованность, темноту. Мы-то повидали

свет, в заграницах побывали и знаем благородное обхождение!.. Понастоящему мне рази такую, как ты, в жены надо?.. Пардон-с... За меня бы любая генеральская дочка пошла!.. Бывало, в офи... да что там и рассуждать... Все одно ты не поймешь!.. Красные сволочи, побывали бы в заграницах, вот там дивствительно люди!..

Засыпал тут же на лавке. Утром, проснувшись, сипло орал:

- Же-на!.. Сымы сапоги!.. Ты, подлая, должна меня уважать за то, что кормлю тебя с твоим щененком!.. Чего ж ты хнычешь?.. Плетку выпрашиваешь?.. Гляди, а то я скоро!..

* * *

Талым и пасмурным февральским днем в оконце Александровой хаты постучался квартальный.

- Хозяева дома?

- Заходи, дома.

Вошел, положил на сундук изгрызенный собаками костьль, достал из-за пазухи замасленный лист и бережно разгладил его на столе.

- На собрание чтоб в момент шли!.. С вашим братом иначе никак невозможно, вот, под роспись подгоняю... Распишись фамилием!..

Подошла Анна к столу, расписалась на листе квартального. Муж удивленно взметнул бровями:

- Ты когда же грамоте выучилась?

- В коллективе.

Смолчал Александр, притворил за квартальным дверь, сказал строго:

- Я пойду послухаю брехни советские, а ты скотину убери, Анна. Да просянью солому не тягай, дogleжу - морду побью!.. Завычку какую взяла... Зимы ишо два месяца, а ты половину прикладка потравила!

Посапливая, застегивал полурубок, смотрел из-под лохматых черных бровей скупым хозяйствским взглядом... Анна помялась возле печки, боком подошла к мужу.

- Саня... Может, в я бы пошла... на собрание?

- Ку-да-а?

- На собрание.

- Это зачем?!

- Послушать.

Медленно ползет по щекам Александра густая краска, дрожат концы губ, а правая рука тянется к стенке, лапает плеть, висящую над кроватью.

- Ты что же, сука подзаборная, мужа на весь поселок осрамить хочешь?.. Ты когда же выкинешь из головы коммунистические ухватки? - Скрипнул зубами и, сжимая кулаки, шагнул к Анне.- Ты, у меня!.. Я тебя, распротак твою мать!.. Чтоб не пикнула!

- Санюшка!.. Бабы ить ходют на собрание!..

- Молчи... стервюга! Ты у меня моду свою не заводи! Ходят на собрание таковские, у каких мужьев нету, какие хвосты по ветру трепают!.. Ишь что выдумала: на собрание!..

Иглою кольнула обида Анну. Побледнела, сказала хриплым, дрогнувшим голосом:

- Ты меня и за человека не считаешь?

- Кобыла не лошадь, баба не человек!

- А в коллективе...

- Ты со своим ублюдком лопаешь не коллективский хлеб, а мой!.. На моей шее сидишь, меня и слухай! - крикнул Александр.

Но Анна, чувствуя, как бледнеют ее щеки, а кровь, убегая к сердцу, зноем полощет жилы, выговорила сквозь стиснутые зубы:

- Ты сам меня уговаривал, жалеть сулил! Где же твои посулы?

- А вот где! - прохрипел Александр и, размахнувшись, ударил ее кулаком в грудь.

Анна качнулась, вскрикнула, хотела поймать руку мужа, но тот, хрипло матюкаясь, ухватил ее за волосы, ногою с силой ударил в живот. Грузно упала Анна на пол, раскрытым ртом ловила воздух, задыхалась от жгучего удушья. И уже равнодушно ощущала тупую боль побоев и словно сквозь редкую пленку тумана видела над собою багровое, перекошенное лицо мужа.

- Вот, вот, на тебе!.. Не хочешь!.. Ага, шкуреха... Ты у меня запляшешь на иные лады!.. Получай!.. Получай!..

С каждым ударом, падавшим на неподвижное, согнутое на полу тело жены, сильнее злобою закипал Александр, бил размеренней, старался попасть ногою в живот, грудь, в закрытое руками лицо. Бил до тех пор, пока не взмокла потом рубаха и устали ноги, потом надел папаху, сплюнул и вышел во двор, крепко хлопнув дверью.

На улице, возле ворот, постоял, подумал и через поваленные плетни соседского огорода побрел к Лушкесамогонщице.

Анна пролежала на полу до вечера. Перед сумерками в горницу вошел свекор, буркнул, трогая ее носком сапога:

- Ну, вставай!.. Знаем и без этого, что притворяться горазда... Чуть тронул пальцем муж, она уж и вытянулась!.. Побеги в Совет, пожалуйся... Вставай, что ли?.. Скотину-то кто за тебя убирать станет? Аль работника нанять прикажешь? - Пошел в кухню, шаркая ногами по земляному полу.- Жратъ она за четверых управляетъся, а работать... Эх, совесть-то у людей!.. Ты ей плой в глаза - скажет: божья роса!..

Одеся свекор, пошел убирать скотину. В люльке завозился, заплакал ребенок. Анна очнулась, привсталла на колени, выплюнула из разбитого рта песок, смоченный слюной и кровью, сказала, трудно шевеля губами:

- Головонька ты моя бедная...

За Качаловкой на бугре, расписанном плешивыми крутовинами талого снега, вечер встречал ночь. По рыхлым ноздреватым сугробам шли в поселок зайцы зоревать. В Качаловке реденькие желтенькие пятнышки огней. Ветер стелет по улицам духовитую кизячную вонь.

Пришел Александр домой перед ужином. Упал на кровать, прохрипел:

- Анна!.. Са-по-ги...- и уснул, хряпя, смачивая подушку клейкими слюнями.

Анна дождалась, пока угомонился свекор на печке, схватила ребенка и выбежала во двор. Постояла, прислушиваясь к торопливому выстукиванию сердца. Над Качаловкой шагала ночь. С крыши капало, курился сложенный в кучи навоз. Снег под ногами сырой и хлюпкий. Прижимая к груди ребенка, спотыкаясь, зашагала Анна по проулку к качаловскому пруду, синевшему грязной голубизною льда. Возле пруда несжатый камыш скрежещет под ветром и надменно кивает Анне лохматыми головками.

Подошла к проруби. Черную воду затянуло незастаревшим ледком, около проруби сметенные в кучу осколки льда и примерзший бычий помет.

Крепче прижимая к груди ребенка, глянула Анна в черную развязленную пасть воды, стала на колени, но вдруг - неожиданно и глухо под пеленками и одеялом - заплакал ребенок. Стыд горячей волною плеснулся Анне в лицо. Вскочила и, не оглядываясь, побежала к коллективу. Вот они, тесанные пожелтевшие за зиму ворота, знакомый родной гул пыхтящего в сарае динамо...

Качаясь, вбежала по крыльцу, скрипнули двери коридора, сердце наперебой с ногами отстукивает шагиудары. Третья дверь налево. Постучала. Тишина. Постучала сильнее. Кто-то идет к двери. Отворил. Глянула мутнеющими глазами Анна, увидала пожелтевшего, худого

Арсения и обессиленно прислонилась к косяку.

Арсений на руках донес ее до кровати, распеленал и положил ребенка в осиротевшую за два месяца люльку, сбежал на кухню за кипяченым молоком и, целуя пухлые ножонки сына и мокре от слез лицо Анны, говорил:

- Я поэтому и не шел к тебе... Знал, что ты вернешься в коллектив, и вернешься скоро!..

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)